

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОССИЯ

Ю.Ю. Карнов

«БОРЬБА ПЛУГА И ОВЦЫ»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТЕПНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Закавыченное словосочетание в названии статьи взято из документа 1920-х годов, который будет процитирован ниже. Под колониционными процессами в данном случае понимается «заселение и освоение пустующих и окраинных земель своей страны (“внутренняя колонизация”)» [Современный словарь 1993: 289], конкретно — степных районов Северо-Восточного Кавказа, которые были присоединены к Российскому государству в XVIII в. и несколько позднее. Очевидно, что в процессе такой колонизации в массовом порядке в непосредственное соприкосновение (ибо безлюдных территорий не существует в принципе) входят представители разных народов, носители культурных традиций, часто принципиально несовпадающих, и это может вызывать в той либо иной мере конфликтное взаимодействие оных.

Говоря о колониционных процессах на данных территориях, обычно их сводят к миграциям русского (восточнославянского) населения, действительно составлявшего подавляющую часть колонистов в новое время (казачье население обосновалось там гораздо раньше, а его численность в основном увеличивалась за

счет естественного прироста населения)¹. Были (в небольшом количестве) колонисты-немцы и представители других европейских народов.

Между тем соответствующие подвижки наблюдались и наблюдаются ныне и со стороны представителей коренных народов Кавказа. Смена основных «действующих лиц» упомянутых процессов приводит к изменениям направлений колонизации, а равно к значительным социальным, хозяйственным, культурным трансформациям на землях степной зоны региона.

Под Северо-Восточным Кавказом обычно подразумевают Чечню и Дагестан. В настоящем случае (частично в отличие от «традиции») я рассматриваю здесь территории современного равнинного Дагестана (большой частью вошедшие в его состав в начале 1920-х годов путем их передачи из Терской области)² и восточных районов Ставрополя. Под «новейшим временем» имеется в виду XX век — время миграций особо больших масс населения, а также первое десятилетие XXI века.

Статья в основном построена на малоизвестных опубликованных и ранее не публиковавшихся архивных документах и полевых материалах автора.

Предваряя основную часть материалов, очень кратко охарактеризую детали колонизационных процессов до указанного периода.

До конца XIX столетия колонизационный поток в низовья Терека (современные Кизлярский и Тарумовский р-ны Республики Дагестан) был довольно слабым, но к данному времени он заметно увеличился (только в 1891 г. в Кизлярский отдел прибыло более 5 тыс. переселенцев). Это было обусловлено политикой государства, наличием большого количества пригодных для возделывания земель, строительством железной дороги. Переселенцы — крестьяне из внутренних губерний России и Украины —

---

¹ В разгар Кавказской войны в целях усиления Кавказской линии новыми казачьими станицами ряд сел государственных крестьян указами правительства был обращен в казачьи станицы, а их жители — в казаков [Васильев 1986: 114–115].

² В 1920 г. к Дагестанской республике был присоединен Хасав-Юртовский округ, а в 1922–1923 гг. — Кизлярский и Ачикулакский округа.

арендовали или покупали казачьи, казенные, монастырские и частновладельческие земли, основывали на них поселения, заводи хозяйства, в основном земледельческого и скотоводческого профиля, а на побережье Каспия — рыболовецкие [Васильев 1986: 180–181].

Обзавестись прочным хозяйством удавалось многим, но не всем. В целом же допустимо полагать, что на Кизлярщине, тогда входившей в состав Терской области, обустройство переселенцев происходило в целом спокойно. Их массовое появление там придало экономике края значительную динамику за счет производства товарного хлеба.

В других частях Кавказского региона, в частности в равнинном Дагестане, картина обустройства переселенцев и их взаимоотношений с местным населением не всегда оказывалась радужной.

«Близ Петровска (Порт-Петровска, совр. Махачкалы. — *Ю.К.*) на части степи, называемой “Озень”, имеются участки земли, принадлежащие министерству государственного имущества. (Один из них. — *Ю.К.*) раньше <...> сдавался домашним порядком за ничтожную плату туземным жителям под выпас баранты. <...> Не так давно этот участок был отдан в распоряжение переселенцев из южных губерний, которые обустроились, приобрели живой инвентарь, вспахали землю и первые годы сравнительно благоденствовали на новых местах. Но зато жители окрестных аулов лишились почти даровых пастбищ. Это им, конечно, не могло понравиться, и началась отчаянная борьба. Татары (*кумыки*. — *Ю.К.*) задались целью во что бы то ни стало выжить непрошенных гостей. Кражи, угон скота и другие проделки не помогли. Тогда туземцы взяли за реку, поившую переселенцев, и отвели всю реку, спустив ее в озера. <...> Таким образом, переселенцы лишились чрезвычайно важного фактора — воды. <...> Попробовали жаловаться на аульцев властям народного управления, но жалобы их не рассматриваются» (цит. по: [Суздальцева 2009: 111]).

Предлагались разные варианты решения проблемы: сделать «водворяющихся среди магометан» переселенцев равноправны-

ми членами сельских обществ и причислить к кумыкским селениям, «выселить из кумыкских селений русских крестьян (до 164 дворов) ввиду малоземелья». Последнее предложение и было принято руководством к действию. Большая часть переселенцев-русских, получив от казны денежные пособия, покинула новые места жительства. Государственная комиссия, созданная по данному вопросу, решила «после выдворения переселенцев запретить продажу домов и усадеб вновь прибывающим “иностранцам”» [Там же: 119].

В то время на территории Дагестанской области было выбрано пять участков для обоснования на них переселенцев.

В начале XX в. обстановка на Кавказе в связи с переселенческим движением была сложной. Кавказский наместник граф И.И. Воронцов-Дашков в обстоятельной «Всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем», поданной им на имя императора Николая II в начале 1907 г., писал:

«Главным основанием неудачного заселения (здесь речь идет преимущественно о территориях Закавказья и Дагестана. — Ю.К.) следует считать полное отсутствие должного подбора предприимчивых переселенцев, <...> способных к занятию кроме обычного хлебопашества ценными культурами или промышленным скотоводством. В край прибывают преимущественно слабые экономически и духом семьи, не имеющие понятия ни о каком другом хозяйстве, кроме зернового, с которым свыклись на родине, и вовсе не проявляющие стремления к приспособлению в новой обстановке. <...> С другой стороны, при образовании переселенческих участков на Кавказе большей частью совершенно не выяснялись правовые и хозяйственные отношения к включаемым в них землям соседнего, коренного, а местами и старожильческого русского населения. Между тем во многих случаях земли эти оказываются, по заселении, необходимыми для поддержания хозяйства прежних пользователей. Отсюда, как ближайшее следствие, возникали сразу неприязненные отношения к новым поселениям аборигенов края, легко переходящие в открытые столкновения и препятствующие прочному устройству новоселов» [Воронцов-Дашков 2005: 308].

По этим причинам наблюдалось оставление переселенцами новых мест в Закавказье и в Дагестане.

Одновременно в Кубанской и Терской областях в это же время скопилось до полутора миллиона безземельных крестьян, так называемых иногородних.

«Проживая на правах арендаторов <...> и в качестве сельских работников, <...> эти выходцы из русских губерний успели развить на севере Кавказа обширное земледелие и способствовали распространению среди казачьего населения ценных культур плодородства, виноградарства и табаководства, а равно развитию промышленных пчеловодства и скотоводства, в связи с маслоделием и сыроварением» [Там же: 309].

Различие ситуаций с переселенцами в разных частях Кавказа было налицо. Но в обоих случаях отчетливо фиксировались особые трудности с колонизацией края, впрочем, нередко совпадавшие. И.И. Воронцов-Дашков предлагал обширный план мероприятий по нормализации процесса русской колонизации края. Большинство из них оказалось нереализованным. «Земельное устройство и прочное хозяйственное обеспечение» для значительной части «иногородних» Терской и Кубанской областей остались нерешенными. В аналогичном положении оказывались и горцы, испытывавшие очевидные трудности из-за малоземелья.

Революция и последовавшая за ней Гражданская война сопровождалась многими бедами, в том числе хозяйственным разорением населения и значительным количеством беженцев. В лихолетье многие колонисты покинули обжитые места. После восстановления относительно мирной обстановки они стремились вернуться к старым жилищам. В это же время на Северном Кавказе появилось немалое число беженцев из центральных районов страны.

В равнинном Дагестане хотели обосноваться покинувшие его ранее немцы-колонисты, а также колонисты из числа русских. Однако к середине 1920-х годов в Дагестане начала осуществляться широкомасштабная программа по переселению горцев на «площадь» (равнину), так что возвращение беженцев воспринималось маложелательным.

Выписка из протокола заседания президиума Дагревкома (июль 1921 г.):

«Слушали устный доклад Наркома тов. Ахундова <...> об утверждении проекта приказа о запрещении новых возвращений и переселений неуроженцев Дагестана на плоскость, предназначенную для безземельных горцев. Постановили: Утвердить» [Аграрный вопрос 2006: 23].

Из протокола заседания большого президиума ДагЦИКа, датированного январем 1926 г.:

«В данное время немцы в числе 49 семей вернулись и просят вновь вселить их в ранее занимаемый ими поселок Кокрек. В своем заявлении немцы указывают, что они обещают вновь привести этот участок в прежнее состояние. <...> Немцы, <...> вселившись в поселок, могут быть и будут учителями горцев в деле обработки земли и развития своих хозяйств. При обмене по этому вопросу мнениями некоторыми членами президиума были заявлены опасения: не будет ли этим нарушена политика в вопросе переселения горцев на плоскость» [Там же: 41].

В итоге возвращение в Дагестан немцев-колонистов решили ограничить в отличие от беженцев русской национальности.

В районах Предкавказья, входивших в состав Ставропольского округа (частично это земли бывшей Терской области), ситуация была иной. Основными фигурантами рассматриваемых процессов там являлись «иногородние», т.е. крестьяне из России и Украины, появившиеся в регионе несколькими десятилетиями ранее, но не получившие «земельного обеспечения», а также беженцы из центральных районов страны и коренные жители степей — ногайцы и туркмены (так называемые ставропольские туркмены)¹.

В 1927 г. в районах расселения туркмен (а по причине их кочевого хозяйства таковых было два: в центре Ставрополя лет-

¹ Точные данные о времени переселения туркмен с Мангышлака на Северный Кавказ отсутствуют, косвенные же данные связывают данный процесс с периодом от конца XVI до начала XVIII в. Подробно о ставропольских туркменах см.: [Курбанов А. 1995].

ние кочевья, а на востоке оно — зимние; центральные усадьбы этих кочевий соответственно назывались Летней и Зимней ставками) работала комиссия, созданная Северо-Кавказским крайисполкомом для изучения положения дел среди жителей Туркменского района. По итогам работы комиссии ее председатель К.А. Курджиев составил докладную записку, в которой отмечал критическое состояние экономики, общественной обстановки, психологического состояния населения данной территории. Зная местных туркмен достаточно хорошо (до революции он работал среди них учителем), Курджиев обстоятельно описал развитие ситуации. Из довольно пространный документа приведу отрывки, имеющие отношение к основной теме статьи, т.е. теме колонизации.

«Не буду распространяться относительно абсолютной неподготовленности полудикаря кочевника туркмена к оседлой жизни в то время, когда царское правительство проводило эту меру насильственного прикрепления туркмен к определенному месту. Переход к оседлой жизни туркмен от кочевой без подготовки к оседлой ставил его в тяжелое положение, ибо он не мог в этих условиях развивать основного своего хозяйства — скотоводства, а обрабатывать землю, благодаря своей большой культурной отсталости, (тоже) не мог, хотя в надел было дано по 30 десятин на каждую мужскую душу. В это время рядом с туркменами жили сравнительно малоземельные русские крестьяне, бравшие у туркмен за очень низкую плату землю. И вот революция застала их в этот переходный момент от кочевой жизни к оседлой» [Докладная записка... Л. 66].

Далее автор докладной записки приводил примеры того, как в предреволюционные годы стала налаживаться социальная и культурная жизнь среди туркмен. На накопленный туркменами и их соседями «магометанский капитал» администрация тогдашней Ставропольской губернии строила для них школы, фельдшерские пункты и даже больницу, бурила артезианские колодцы. Туркмены богатели: количество скота у них увеличивалось, заметно прирастало и народонаселение.

«В годы Гражданской войны и голодные годы 1921–1922 туркмены совершенно лишаются всего своего хозяйства и превращаются в буквальном смысле в нищих. Это подтвердится, если мы возьмем статистику. <...> В таком сильном упадке хозяйства, помимо общих условий Гражданской войны и голода, немаловажную роль сыграли реквизиции, <...> продразверстки. <...>

Как я выше говорил, что большинство туркменских земель обрабатывали русские крестьяне, которые всякими способами вытесняли туркмен из их аулов, причем обычным приемом был такой: несколько крестьян закупали у туркмен дворы с постройками за бесценок, пользуясь голодом, а затем, вселяясь в аул, обычно разводили свиней, а туркмены, не перенося, как истые мусульмане, близости сожительства свиньи, оставляли свои дворы и переселялись в другой туркменский аул, где еще не было русских. Таким путем вытеснены совершенно пять аулов и заселены русскими крестьянами, терроризировавшими буквально туркменское население настолько, что туркмены не пытаются получить с крестьян не только за отдельные дворы с постройками, но совершенно бесплатно оставляют очень ценные постройки, как например в Муса-Аджинском ауле. Выяснены случаи, когда ценнейшие постройки ломались, перевозились в русские административные центры, как например все капитальные постройки с Зимней Ставки перевезены в Красный крест Терского округа. Наряду с этим оставшиеся туркменские аулы представляют из себя весьма неприглядную картину, во всех посещенных нами аулах видели население голое, запуганное, голодающее» [Там же. Л. 68].

Далее приводились цифры, иллюстрировавшие обнищание населения и развал хозяйства, а затем выдвигались предложения по налаживанию нормальной жизни среди туркмен, которые уже практически были готовы, по оценке Курджиева, к оседлой жизни и ведению земледельческого хозяйства. Для этого им необходимо было помочь инвентарем, семенами.

Но, что важнее

«необходимо предоставить в распоряжение туркмен те земли, которые находятся между туркменскими аулами и считаются свободным фондом. Вселение туда русских или другой нации сведет

цельность административной национальной единицы к нулю. Даже при настоящем обследовании все туркменские аулы без исключения жаловались на засилье русских, а главным образом татар¹, выражавшееся по отношению первых в вытеснении из некоторых аулов туркмен и заселении русскими, а по отношению вторых — вселение в туркменские аулы татар, в захвате власти в РИКе (районном исполнительном комитете. — *Ю.К.*) и на местах татарами. Антагонизм и недоверие среди туркмен к татарам настолько развиты, что даже тех туркмен, которые служат в своих аульных советах, считают не своими, а людьми татарской ориентации. В общем, у Комиссии сложилось определенное твердое мнение, что в дальнейшем РИК в таком составе нельзя оставить, если советская власть заинтересована в приближении ее к гуще туркменского населения» [Там же: 70]².

Вскоре после завершения работы комиссии К.А. Курджиева в Москву приехали «уполномоченные туркмен аулов Антуста, Сабан и Шарахалсун Туркменского района Ставропольского округа Северо-Кавказского края Менглибаки Айдогдыев и Хаджи Мурат Нур Магомедов». Они хотели встретиться с главой союзного правительства М.И. Калининым и предварительно направили в его адрес прошение, излагавшее «подлинные нужды <...> народа» [Прощение уполномоченных туркмен... Л. 59–64].

В прошении уполномоченные широко использовали материалы и выводы комиссии К.А. Курджиева, в частности обстоятельно процитировав тот фрагмент документа, где говорилось об использовавшихся русскими переселенцами практиках вытеснения туркмен.

Текст прошения отличают грамотность, хороший русский язык (не в пример докладной записке К.А. Курджиева). Видимо, писали его не сами «уполномоченные»; мысли и чаяния выражали они, но формулировал оные некто другой (хотя — как знать?).

¹ Имеются в виду татары казанские и астраханские, в тот период в немалом числе переселявшиеся и обустроившиеся в степной зоне Северного Кавказа.

² Основной вывод комиссии совпадал с линией Северо-Кавказского крайисполкома, которую тот проводил в 1922–1924 гг. по разграничению земель по этническому принципу «в целях достижения возможно большей изоляции туркмен от русских» [Курбанов А. 1995: 65].

«На протяжении долгого времени мы являемся свидетелями того, что история нашей жизни, занимаемых нами степей является историей борьбы плуга и овцы, историей прочно оседающего, обеспеченного инвентарем зажиточного русского земледельца с туркменом скотоводом, ведущим и до сего времени полукочевую полуседлую жизнь.

И в результате мы являемся очевидцами также того, что победителями в этой борьбе оказываются крепкие хозяйственники, зажиточные земледельцы, тогда как мы, кочевники туркмены, не будучи в состоянии, не успевая закончить переход к земледельческому хозяйству, все более и более вытесняемся из лучших плодородных своих земель на земли определенно худшего качества вопреки даже тому, что за нами, туркменами, земли закрепляются формально в порядке землеустройства. В общем, современное положение наших туркмен является крайне и невероятно тяжелым» [Там же: Л. 60].

В прошении, адресованном председателю ВЦИКа, помимо жалоб на незавидное житье и объяснений его причинами едва ли не общеисторического порядка, содержалось конкретное предложение выхода из данной ситуации.

Авторы прошения указывали, что в прошлом и еще в недавнее время три четверти года туркмены проводили на своих зимних пастбищах (современный Нефтекумский р-н Ставрополя), а на летних кочевьях (современный Туркменский р-н того же края) «делали лишь привал» на 3–4 месяца. Зимние пастбища туркмены расценивали в качестве лучших, но именно с них их и «выживали».

«Такова подлинная картина нашей теперешней жизни в окружении прочно оседающего, стремительно осваивающего плугом наши земли зажиточного, обеспеченного и живым и мертвым инвентарем земледельца с непрекращающимся вытеснением нас из старожильческих наших коренных земель» [Там же].

Выжить же в районе летних кочевий, куда значительная часть туркмен «вынуждена была бежать в результате не прекращавшихся нападений <...> бандитских шаек, а затем голода и проч.» [Там

же: Л. 62] из бывшего Зимне-Ставочного района, им не представлялось возможным.

Между тем территория зимних кочевий в то время уже являлась территорией Ачикулакского округа, а последний входил в состав Дагестанской АССР.

«Тяжелые и непоправимые условия нашей жизни при продолжении настоящего положения диктуют нам крайнюю неизбежность перехода на привычные старожильческие места, где мы в единении со своими соплеменниками безусловно легче и быстрее можем достичь и хозяйственного, и культурного своего возрождения» [Там же].

Предложение и просьба просителей заключались в следующем:

- 1) обязать дагестанское правительство не чинить препятствий переселению туркмен в Ачикулакский округ, «на свои давние старожильческие и привычные места» [Там же];
- 2) «сделать распоряжение, кому и куда следует освободить все эти места прежнего нашего жительства от самовольных захватчиков, зажиточного переселенческого элемента, в значительной своей части принимающего участие в нашем общем разорении и теперь под шумок осевшего и богатеющего на спине туземной безответной бедноты в отдаленных и глухих степях нашего края; в свою очередь они могли бы быть выселены на освобождаемые нами в связи с переселением места, вполне пригодные для земледельческого освоения обеспеченными живым и мертвым инвентарем захватчиками в резкое отличие от нас туркмен, кочующих скотоводов» [Там же: Л. 63];
- 3) оказать материальную поддержку 354 семьям, желающим переселиться, а также осуществить необходимое техническое и социальное обустройство предполагаемых для заново осваиваемых ими поселений, «ибо только при этих условиях может быть приостановлено непрекращающееся и до сего времени физическое вымирание целого народа на десятом году советской власти» [Там же].

Далее «уполномоченные» просили возместить им (а через них и пославшим их одноплеменникам) денежные расходы на поезд-

ку в далекую Москву и, наконец, «предложить» властям Ставропольского округа не чинить препятствий к их переселению в пределы Ачикулакского округа, находившегося в составе Дагестана [Там же: Л. 59–64].

Мне неизвестно, каким было решение по их прошению (и попали ли они на прием к М.И. Калинину). Однако в 1927 г. Малым Совнаркомом было принято решение «о концентрации туркменского населения» вокруг Летней Ставки путем переселения туда жителей трех аулов с территориями зимний кочевий [Курбанов А. 1995: 65, 68]. Т.е. были приняты решения и предприняты действия, обратные тем, на которые рассчитывали уполномоченные от туркмен Ставрополья.

Как отмечает А.В. Курбанов, концентрация аулов и проведение коллективизации повлекли за собой новую волну переселения туркмен на восток, в закумские степи Дагестана [Там же: 68], т.е. в Ачикулакский р-н.

Для справки. Ачикулакский р-н вместе с Кизлярским в 1938 г. был передан от Дагестана Орджоникидзевскому краю (в основных своих границах последний соответствовал современному Ставропольскому краю). В 1958 г. Кизлярский р-н вместе с Ногайским (в свое время выделенным из состава Ачикулакского) был возвращен ДАССР. При этом значительная часть Ачикулакского р-на осталась в пределах Ставропольского края. Вскоре на его территории была обнаружена нефть и началась ее промышленная добыча. В результате появился город нефтяников Нефтекумск, ставший районным центром. Утративший статус райцентра пос. Ачикулак остался базой сельского хозяйства района, а Зимняя Ставка превратилась в многотысячный поселок нефтяников, в котором туркмены если и остались в очень ограниченном количестве, то практически растворились в новой социальной среде. В настоящее время (данные середины 2007 г.) в Нефтекумском р-не туркмены проживают в с. Озек-Суат — около 2 тыс. чел., в с. Каясула — более 1 тыс. чел., в с. Махмуд-Мектеб — более 800 чел., в с. Новкус-Артезиан — порядка 500 чел., в Нефтекумске — около 400 чел. В остальных населенных пунктах — по несколько десятков человек. Всего в районе их насчитывается немногим менее 5 тыс. чел. (данные администрации Нефтекумского р-на).

Относительно Нефтекумского р-на в целом можно заметить следующее. В связи со значительным сокращением добычи «черного золота», люди, еще относительно недавно занятые в его добыче и переработке, а ныне лишившиеся «нормальных» заработков или работы, оставляют район. Из Нефтекумска и Зимней Ставки уезжают на заработки в Сибирь либо переселяются вовсе — туда, где способны устроиться. Ранее солидная по размерам района организация «Сельхозтехника», базировавшаяся в Ачикулаке, находится в жалком состоянии, так как совхозов уже не существует, старая техника развалилась или разваливается, восстанавливать и обслуживать ее в условиях новых экономических реалий нет смысла. Соответственно и этот населенный пункт местные жители покидают.

Однако подобные людские утраты района не оказались невосполнимыми. В последние 30–40 лет здесь обустраиваются переселенцы из горных районов Дагестана.

Теперь я перехожу ко второй части статьи, которую как антитезу ее общему названию и условно первой части можно назвать «Борьба овцы и плуга».

И для начала кратко поясню, что из себя в национальном отношении и в этнографическом плане в недалеком прошлом представлял Нефтекумский р-н. Это территория частей бывших Караногайского и Ачикулакского округов, где издавна (еще до переселения туда туркмен и тем более русских) проживали ногайцы. Основным их занятием являлось скотоводство, что их сближало со ставропольскими туркменами. Обосновывавшиеся на данной земле (и в сопредельных районах Дагестана) со второй половины — конца XIX в. русские (выходцы из центральных районов Велико- и Малороссии крестьяне) заводили хозяйства преимущественно земледельческого профиля¹, а переселенцы послевоенного времени преимущественно были заняты в нефтяной промышленности (об этом говорилось выше). Начавшие переселяться в указанные районы выходцы из Дагестана (в абсолютном

---

¹ Отмечу, что современные ногайцы Нефтекумского р-на рассказывают, что в 1920-е годы русские переселенцы осуществляли практику выживания их предков, аналогичную той, что они применяли в отношении туркмен, т.е. использовали свиней.

большинстве — даргинцы) на своих родных землях вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Свообразным парадоксом миграционных (а правильнее говорить о новой волне колонизационных) процессов последних десятилетий явилось то, что представшие в качестве подлинных скотоводов дагестанцы (даргинцы) потеснили утрачивавших свои позиции и роли в скотоводческом хозяйстве ногайцев, туркмен, не говоря уже о русских.

Относительно массовое появление горцев, с одной стороны, было связано с предоставлением хозяйствам горных районов кутанов в этих местностях. С другой стороны, это же обстоятельство сначала косвенно, а затем и напрямую открывало для жителей горных районов Дагестана возможности заработка: они могли наниматься пасти «чужой» скот, т.е. скот колхозов и совхозов Ногайского, Кизлярского, Нефтекумского, Ловокумского и других районов.

Сошлюсь на материалы исследования положения ногайцев в указанных районах, проводившегося московскими этнографами К.П. Калиновской и Г.Е. Марковым на рубеже 1980–1990-х годов. Речь идет о переселенцах из Дагестана конца 1970–1980-х годов.

«Ее (миграцию. — Ю.К.) составляют, как правило, предприимчивые и энергичные люди, стремящиеся любым путем получить большие заработки. При этом вытесняются ногайцы, а также русские. Приезжие покупают у русских и ногайцев дома и укореняются в ногайских поселениях. Эти люди не особенно, по мнению ногайцев, щепетильны в выборе средств для быстрого достижения своих целей. <...> До 1950-х годов большинство чабанов были ногайцы, теперь они практически вытеснены из традиционного скотоводства даргинцами. <...> В течение последних 10–15 лет приток переселенцев, особенно даргинцев, усиливается. <...>

Причину, почему даргинцы и представители некоторых других национальностей вытесняют ногайцев из наиболее выгодной отрасли хозяйства — скотоводства, русские информаторы видят в том, что чабаны-даргинцы выгоднее колхозам и совхозам, чем ногайцы, по экономическим причинам. Чабан-ногаец обычно получает до 100 голов приплода в овечьем стаде при норме прироста

в 120 голов. У чабанов-даргинцев по 130 и более голов приплода, как считают информаторы, за счет своего личного стада, нелегально выпасаемого в общественном. Это выгодно и даргинцам, и хозяйствам. <...>

Как говорят многие русские и даргинские информаторы, даргинцы работают хорошо, сохраняют общественные фонды и хорошо зарабатывают. Приезжие покупают или же строят отдельные дома, а затем из них формируются целые улицы. Администрация, экономически заинтересованная в приезжих, идет им во всем навстречу» [Калиновская, Марков 1993].

Если, по информации, собранной в конце 1980-х годов московскими этнографами, горцы вытеснили ногайцев с рабочих мест из животноводческой отрасли хозяйства, то интерпретация того же факта из уст ногайцев конца первого десятилетия XXI в. иная. Они говорят, что сами ушли из животноводства, отказавшись от рабочих мест чабанов, как непрестижных.

Что имело место в действительности, сказать трудно. Возможно, последняя оценка — это всего лишь более выгодная подача себя в условиях произошедшего. Однако в начале XXI в. в ногайской среде общепринято говорить об изменении отношения ее представителей к условиям жизни в связи с новыми заманчивыми возможностями и требованиями. В конце истекшего столетия молодое поколение все менее привлекал труд чабанов, не в пример работе трактористами, шоферами, комбайнерами.

В свою очередь для большого числа горцев (по расхожему определению авторов позапрошлого века, «постоянных и притом добровольных постников»), то, что им предлагали в Ногайской степи и по соседству с ней, выглядело удобоваримым.

Из интервью с председателем общественного совета народностей Дагестана в Нефтекумском р-не А.А. Саидовым:

«С 1980-х годов ногайцы уже не шли чабановать, а русские и того раньше перестали этим заниматься. А наши люди не требовали от власти, колхоза, чтобы им квартиры давали, какие-нибудь удобства (создавали). Жили (на кошаре) в однокомнатной постройке. Это устраивало и самих чабанов, и руководство. Рус-

ские как чабановали? Вахтами ездили по несколько человек. На кошарах ни электричества, ни газа, расходов мало на них. В этом была привлекательность дагестанских чабанов, в материальном плане — доход колхозу, их держать было выгодно, удобно. Если механизатору, трактористу руководство (колхоза) должно было в течение 2–3 лет построить квартиру, то здесь никто ничего не требовал. Потом они (чабаны-дагестанцы) сами стали ремонтировать, перестраивать кошары» [ПМА. № 1856. Л. 87 об.].

Традиционная привязанность дагестанских горцев к родным местам (подробнее см.: [Карпов 2007: 134–135]), при том что отходничество в их среде издавна было развито, ослабла в силу широкомасштабной государственной политики по их переселению на плоскость, особо активно проводившейся в 1950–1970-е годы (подробнее см.: [Карпов 2010]). В те же годы внушительные размеры приобрел самовольный уход колхозников на заработки, и совокупно это создало необходимые предпосылки для заметного присутствия дагестанцев в пограничных со своей республикой районах Ставрополя, а также в Ростовской области и Калмыкии.

Следует согласиться с дагестанским исследователем, который пишет:

«Фактически овцеводство на Юге России было “спасено” чабанами-даргинцами, так как кроме них никто этим видом трудовой деятельности заниматься не хотел» [Курбанов М.-З. 2009: 435].

Однако масштабы, которые приобрела миграция дагестанцев в соседние регионы, резонно напрямую соотносить с колонизацией. В 1959 г. в Ставропольском крае проживало 748 даргинцев, в 2002 г. официально их там значилось более 40 тыс. чел., в 2008 г., по оценочным данным, — 78 тыс. чел., а всех дагестанцев — порядка 120 тыс. чел. В настоящее время в крае даргинцы по численности населения занимают 4-е место [Авксентьев 1997: 31; Шахбанов 2008].

Ставрополье является вторым после Дагестана регионом проживания даргинцев. Ареал их компактного проживания — восточные районы края: Арзгирский, Левокумский, Нефтекумский,

Туркменский. В начале 2003 г. в Нефтекумском р-не был 70 121 житель, в середине 2007 г. — 68 290 жителей. Национальный состав населения выглядел следующим образом: русские — 35 718 чел. (более 52 %), ногайцы — 12 611 (18,5 %), туркмены — 4829 (7 %), татары — 1593, дагестанцы (совокупно без учета даргинцев) — 1601, даргинцы — 6403 (более 9 %), все дагестанцы — 8004 (около 12 %), чеченцы — 240, другие — 4341 чел. (данные администрации Нефтекумского р-на).

Дагестанцы, в том числе даргинцы, проживали во всех населенных пунктах района; в городе они были на втором месте после русских (4 % собственно даргинцы и немного меньший процент — все остальные дагестанцы). В с. Ачикулак всех дагестанцев проживало порядка 1,5 тыс. чел. (23 % от общего числа населения), в с. Каясула — порядка 800 чел. (13 %) (данные администрации Нефтекумского р-на).

Упомянутый выше А.А. Саидов рассказывает:

«Сейчас нет планового переселения, но людей в горах уже не удержишь — видят по телевизору, видят все. Раньше не так (было). <...> Сейчас людям дали свободу — как хотите, поступайте. Теперь часть людей сами на плоскость переселяются, а другая часть их туда призывает — кто раньше обосновался — хотят там главами стать. Электорат этот должен быть. <...> (Признак укорененности). Хоронят сейчас в горах, но не за горами (время), что кладбища будут и здесь. Наши дети уже не понимают (как это) поехать на соборезнование в горы, везти туда хоронить. <...>

Ситуация в нашей зоне — Нефтекумский, Левокумский, Арзгирский, Степновский районы. Здесь животноводство было на 90 %. Когда в 1993–1998 гг. животноводство упало, скот порезали, очень многие уезжали назад, в Дагестан, и детей забирали. Я говорю о своем родном Левашинском районе. На тот момент там положение было чуть лучше; здесь совхозы, колхозы распались, а там родовая земля, надеялись, что кусок и им достанется. Хотя из этого ничего не получилось, но надеялись. Один уехал, за ним потянулись другие, начали выращивать капусту. На тот период времени, с 91-го по 98-й, когда здесь хуже стало, многие уехали, не из селений, а с кошар. Потом захотели вернуться, но на их места (уже) другие приехали. Одни едут сюда, другие — туда.

В высоких горах ведь даже капусты нет. Экономический интерес двигает людьми. <...>

(О притоке переселенцев). Я интересовался этим вопросом, я через паспортный стол знаю — уезжают (дагестанцы) даже больше. Из Дагестана сейчас больше уходят на Москву. Из горных районов молодежь делает шаг в Махачкалу, там ничего не находит, едет в Москву. Молодежь же овец пасти не пойдет. Сейчас такой, как прежде, миграции нет. <...> Здесь какие элементы, места (для) бизнеса были, они уже заняты, а новых мест не появляется. Уже в Буденновске их нет, а он больше Нефтекумска. Они откуда уже хотят уезжать в Ставрополь, Ростов, Краснодар. То, что есть, — исчерпано, а новое не создается. <...> Я хочу сказать, вот, я — даргинец, вы — русский. <...> Потребностей у меня по сравнению с вами намного меньше, и тогда, и сейчас¹. Вот возьмем Турсад (село в Левокумском р-не. — Ю.К.). Русские уезжают. А уезжают почему? У него нет возможности работать водителем, механизатором, агрономом. У него ничего (таких возможностей.— Ю.К.) нет. Он не пойдет овец пасти, бычков откармливать. Он единственно может что-нибудь в огороде делать, поросенка держать, Он скажет, я лучше уеду в Буденновск, пока у меня деньги есть устроюсь. <...>

А политики любят преподносить, что выжили (русских). <...> В силу обстоятельств люди потеряли работу — ищут работу. Это одна причина. Другая причина, если кто-нибудь из моих родственников уехал, в Краснодар, в другое место — (я) еду к нему, надеюсь, что он найдет мне место. Не уезжают наши (сейчас), даю вам слово, через 10–15 лет и наши будут уезжать. Потому что нету перспективы. У вас, русских, меньше держат родственники. (У нас) не пойти на соблезнование — стыдно. Стыдно оставлять родителей одних. Русские более мобильные» [ПМА. № 1856. Л. 84–87].

К этому добавлю отрывок из интервью выходца из Дагестана, аварца, проживающего в районе не один десяток лет, ныне занимающего солидную должность в хозяйственных структурах района и в целом всесторонне оценивающего происходящее вокруг.

— Чем занимается дагестанская молодежь в Нефтекумском районе?

¹ Судя по нынешнему дому информанта это далеко не так.

— Ищут трубы от нефтяников, от нефтепроводов; продавали на металлолом или реставрировали. <...> Сейчас трубы уже кончились. Остатки — под пристальным взглядом ФСБ, прокуратуры. Теперь этим могут заниматься только избранные, <...> (которые) договорились с властью. Остальные — магазинчик, если деньги скопили. <...> В любом случае, работать никто не хочет, в сельском хозяйстве тоже. На заработки тоже не едут. Найдут что продать. Трудолюбивой молодежи как таковой здесь нет. А на кошарах родители их.

Это раньше дагестанцы все были пастухи, а теперь дагестанцы заимели кошары и всё русские пасут — божжи, пасут за спирт. Как таковые, пасти никто не хочет, все прямо такие стали важные...

— Ваше видение, что здесь будет в обозримом будущем?

— Есть разговоры, что нефтяникам дано указание сворачиваться; за последние пять лет ни одной скважины (новой) здесь не пробурили, геологоразведки здесь нет... Добывают это — и уходят. Деньги не вкладывают. Инфраструктуру всю передали муниципалитетам. Придут дагестанцы, будут добывать, что осталось — через скот, нефтяное все разломают, русские откочуют отсюда, если так останется...

Я думаю, до Буденновска потихоньку это отвоюется дагестанцами. Ногайцы тоже уйдут. Но ногайцы... хотя — это народ Дагестана» [ПМА. № 1920. Л. 60–65].

Дополнительная информация

Поселок Затеречный Нефтекумского р-на был построен для нефтяников; в последние годы в связи с сокращением добычи нефти приходит в упадок. Соответственно изменяется образ жизни людей, состав жителей и многое, связанное и обусловленное этим. Статистическими данными о составе его населения по разным годам я не располагаю, ограничусь сведениями на начало 2009 г.: русские — 6278 чел., ногайцы — 98 чел., туркмены — 29 чел., даргинцы — 321 чел., прочие — 507 чел. (данные поселковой администрации).

Информант — глава муниципального образования. Основные вопросы, связанные с переселенцами-дагестанцами, те же, что и в других населенных пунктах края.

«Дагестанцы стараются скупать квартиры в поселке на его окраинах. Почему на окраинах? Есть возможность сделать выпаса́. Сейчас с ними боролись, боролись. <...> Выпускают скотину, ходит где хочет. <...> **Мы стараемся не допустить сме- ны** (культурных) стереотипов, пытаемся контролировать. Пропи-ску мы даем только после того, как человек купил земель- ный участок. <...> У администрации позиция такая. Если ты пришел сюда заселиться и жить, то уважай наши порядки. Но они же этого не делают. <...> Говорят: “Эта земля будет наша”. И кто говорит? Пожилые женщины и старики. Это не постоян-но звучит, но проскальзывает. Сейчас-то они меньшинство, в открытую свое мнение выражать боятся. Хотя мнение такое у русского населения, что рано или поздно...” [ПМА. № 1920. Л. 52 об. — 60].

Село Ачикулак. Население на начало 2009 г. (в скобках — на начало 2006 г.): русские — 3895 чел. (4045), ногайцы — 243 (260), туркмены — 41 (51), даргинцы — 1432 (1251), прочие — 890 (918.). Рост числа жителей наблюдался только среди дар-гинцев.

Проблемы в отношениях с дагестанцами те же. Большое коли-чество скота, который пасется без присмотра — «такое ощущение, приехали, что с Луны прилетели; ну и конечно у коренных жителей это начинает вызывать беспокойство». В целях более легкого выпаса скота дагестанцы поселяются на окраинах посела-ка. В свою очередь поселковая администрация по возможности стремится контролировать ситуацию [ПМА. № 1920. Л. 69 об. — 73 об.].

***

Северо-Восточный Кавказ едва ли не всегда являлся зоной ак-тивных этнодемографических подвижек (гунны, хазары и т.д.), которые так или иначе правомерно соотносить с колонизацион-ными процессами. В последние полтора-два века наблюдается очередной их виток, точнее — два разнонаправленных витка: сна-чала российской (русской) колонизации его территорий, затем — их колонизации горами Кавказа. К таким переменам надо отно-

ситься без эмоций, ибо они вызваны объективными причинами. В данной публикации перечислять их, тем более анализировать их не место. Констатируем факт.

И последнее — в качестве иллюстрации разноплановости и неоднозначности этнокультурных процессов на современном Ставрополье. В селе Приозерном современного Левокумского р-на, равно как и в близлежащем селе Турксад (Туркменский сад) в начале XX в. проживали туркмены и русские. В настоящее время туркмены там отсутствуют, русские составляют большинство, но в составе населения заметно увеличивается процент дагестанцев. Несколько лет назад дагестанцы поставили вопрос об открытии в селе мечети, найдя для нее и подходящее здание — большой кирпичный пустовавший дом некогда проживавшего в селе богатого туркмена. Им этого сделать не разрешили и достаточно оперативно приспособили это сооружение под церковь. Стены приозерной церкви украшают красиво оформленные арабские надписи, а крышу — простенький крест (рис. 1). Дагестанцам разрешили открыть мечеть в небольшом техническом сооружении — бывшей бензозаправке развалившегося совхоза, ныне лишенной водопровода и электричества (рис. 2). Данные «картинки» позволяют своими глазами увидеть отношение властей края к мигрантам (к новой волне оных) и к новым явлениям колонизации края.

Источники

Докладная записка председателя Комиссии по обследованию Туркменского района К.А. Курджиева // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 879. Л. 65–71.

Прошение уполномоченных туркмен аулов Антуста, Сабан и Ша-рахалсун Туркменского района Ставропольского округа Сев. Кав. края Менглибаки Айдогдыева и Хаджи Мурата Нур Магомедова // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 879. Л. 59–64.

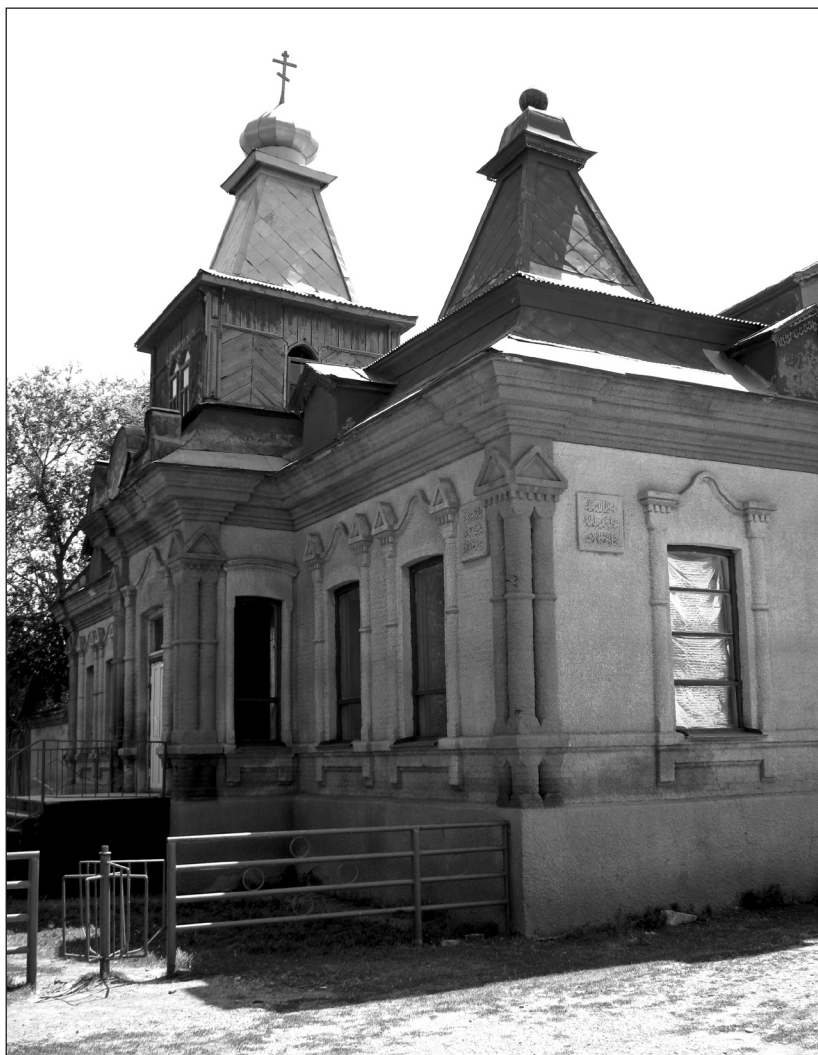

Рис. 1. Церковь в селе Приозерное. Фото автора. 2010 г.

Рис. 2. Мечеть в селе Приозерное. Фото автора. 2010 г.

Полевые материалы автора

Дневник экспедиционной поездки Ю.Ю. Карпова в 2008 г. в Бабаюртовский, Кизилюртовский, Кизлярский, Ногайский, Тарумовский, Хасавюртовский р-ны Дагестана, Нефтекумский и Левокумский р-ны Ставропольского края // Архив МАЭ РАН. Ф. 1. Оп. 1. № 1856.

Дневник экспедиционной поездки Ю.Ю. Карпова в 2009 г. в Бабаюртовский, Кизлярский р-ны Дагестана, Нефтекумский р-н Ставропольского края, в Республику Калмыкия и в Астраханскую область // Архив МАЭ РАН. Ф. 1. Оп. 1. № 1920.

Библиография

Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополя: Краткий справочник. Ставрополь, 1997.

Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину: Документы и материалы. Т. 1. (1920–1945 гг.) Махачкала, 2006.

Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986.

Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова Дашкова // *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 257–375.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. Ногайцы — проблемы национальных отношений и культуры // СЭ. 1993. № 2. С. 15–22.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.

Карпов Ю.Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: Преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб., 2010. С. 402–447.

Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб., 1995.

Курбанов М.-З.Ю. Трудовая миграция как фактор межэтнической напряженности в Южном федеральном округе (на примере ставропольских даргинцев) // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009. К столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 435–436.

Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

Суздальцева И.А. Русские переселенческие участки на Северо-Восточном Кавказе в начале XX в. // ВИ. 2009. № 11. С. 109–120.

Шахбанов М. Ставропольские дагестанцы // Новое дело. 2008. № 39. 26 сент.